

Мой боевой путь в соединении Бати

*Перед нашей Родиной мы сочтемся Славою,
Все кто кровью собственной породнился с ней.
Шла война суровая, шла война кровавая
Тысяча четыреста восемнадцать дней.*

Весной 1941г. наш окрепший колхоз «...Маяк!» (основная усадьба которого находилась в 8-и км от большака Духовщина–Демидов) успешно завершил все посевные работы. До сенокоса и уборки урожая я, как и многие колхозники решил подработать на строительстве железнодорожного полотна участка Загусинье – Ероши. Сразу же после завершения посевной большинство мужчин, женщин и подростков из нашего колхоза приступили к отсыпке насыпи, укладке на ней шпал и рельсов (их выверку и крепление начали выполнять рабочие-путейцы). Жили мы в деревне Загусинье, которая удалена от нашей деревни Плотки на 12 км и терять драгоценное время на езду с работы и на работу никто не хотел. Работали мы дружно, успешно справляясь с ежедневными заданиями прораба-путейца, осуществлявшего контроль качества работ. Но завершить строительство дороги мы не успели из-за вероломного нападения фашистской Германии на СССР.

Летняя ночь с 21 на 22 июня самая короткая, мы проснулись раньше обычного, вышли во двор с восходом солнца. В 6 часов утра приступили к завтраку, спешно впрягли коней в телеги, выехали к своему участку строительства, начали дружно работать. В полдень к нам приехал из Духовщины представитель райкома партии Петр Феокистович Цуранов и председатель сельсовета Филипп Егорович Гончаров, они сообщили о вероломном нападении Германии на СССР. Радио в наших деревнях тогда еще не было, но уже в полдень мы знали, что «сегодня, в три часа ночи Германия, без объявления войны напала вероломно...», нам нужно отдать все силы и средства для защиты своей Родины». Председатель сельсовета попросил нас подростков помочь отцам и братьям быстро собраться для защиты Родины.

Сразу же комсомольцы помогли отобрать 10 хороших лошадей, наш колхоз передал вместе с ними армии и единственную автомашину («полторку»). На ней все военнообязанные колхозные мужики отправились в районный военкомат в Духовщину. Провожала будущих красноармейцев вся деревня; жены-солдатки, их матери и сестры ревели, кричали, стонали. ... Когда немцы начали подходить к Смоленску, нас обязали рыть противотанковые рвы за деревней Булгаково. Нам мешали немецкие самолеты; они пронеслись большими группами низко над нашими рвами с оглушительным ревом. Заслышав их приближение, мы прятались в кусты, они стреляли по кустам из пулеметов, но убитых среди нас не было. После налетов мы продолжали рыть с удвоенной скоростью и быстро подвели противотанковый ров к дороге Духовщина–Демидов,

которую собрались перерыть. Но нам сказал войсковой командир, что это не нужно и отпустил домой.

16 июля 1941 г. гитлеровцы захватили Духовщину, в ней разместился штаб 9-ой немецкой армии, а 19-я и 22-я армии Западного фронта Красной Армии оказались в окружении. Немецкие танки и автомашины днями и ночами мчались по дороге из Демидова к Ярцево. Но у реки Оль их стремительное продвижение к Москве прекратилось, начались жестокие кровопролитные бои. Однако при активной поддержке авиации немцам удалось захватить Ярцево. Мы оказались в тылу их армий «Центр», по нашей деревне красноармейцы продолжали двигаться «туда-сюда», и мы (как и они) многого не понимали. Наша хата Андреевых находилась на краю деревни около леса, к нам часто заходили красноармейцы. Мы их встречали гостеприимно, кормили, оставляли ночевать, они не знали куда идти, что делать. Через нашу хату прошли многие «окруженцы» — будущие известные партизаны: И.П. Сухопаров, И.И. Овчаренко, И.И. Бочаров, И.И. Шилкин, И.С. Фролов, Ф.Н. Новокшенов, Т.И. Сыч, И.И. Шипкин, И.И. Романов, Трофим Довыдкин, Михаил Жаворонков, Александр Корнилов, Василий Ткаченко, Анатолий Соколов, Владимир Шевцов, Георгий Даренский, Николай Даньшин, Петр Русаков, Иван Воронов, Андрей Мельников, Андрей Сладков, Павел Ерохин и др.

В октябре 1941 г. собрались в нашей хате знакомые «окруженцы» Саша Корнилов, Толя Соколов, Вася Ткаченко, Жора Даренский и заговорили о месте создания лесной партизанской базы. Я запряг лошадь, и мы поехали в лесничество, которое располагалось в лесу, в 2 км от нашей деревни. Облюбовали место для землянки, вырубил несколько деревьев, напилели дров, уложили их на телегу и повезли к дому. Подъехали, входим в хату и видим старосту деревни Шелаева Кирея. Жора Даренский ухватил его за шиворот и привалил к печке. От переводчика мы знали, что староста Шелаев по собственной инициативе побывал в немецкой комендатуре Крестова и просил сопровождающих для ареста партизан в нашем доме. Зная это, Даренский вывел старосту из дома, повел к канцелярии колхоза и расстрелял.

В начале войны гитлеровцы вели себя в наших деревнях пристойно, но в конце 1941 г. они боялись даже малолетних партизан. Многие знают о подвигах и посмертном присвоении звания Героя Советского Союза Володе Куриленко. Но, к сожалению, не многим известны подвиги юных Васи Захарова, Оли Бариновой, Васи Гвоздева, Вити Хохлова, Вани Клименкова, Коли Ефремова, Стефана Шевкина, Васи Огонькова и многих других ребят, погибших в борьбе с фашизмом. Много юных партизан оказалось весной 1942 г. в отряде «Баяниста» из соединения «Бати», который в марте разгромил немецкий гарнизон в Крестово, перестреляв всех «чистокровных» гитлеровцев и их местных прихвостней.

Известный смоленский журналист Андрей Иванович Лукашенко ошибочно повествовал: «Аня (Асташенкова – Г.А.) пришла в партизанский отряд в ту пору, когда там еще не было ни одной представительницы женского пола».³¹ А ведь до прихода немцев, в конце июля 1941 г. Председатель нашего сельсовета Ф.Е. Гончаров и его секретарь Платон Мартынов уже создали подпольную группу для борьбы с врагом. В нее вошли и мы подростки: Хохлов Витя с сестрой Дусей, Голикова Нюра, братья Клименковы Ваня и Андрей, я с сестрой Ниной. Первую диверсию наша группа совершила уже в конце июля 1941 г., ночью; по заданию Председателя сельсовета мы затормозили продвижение немцев к Москве, разобрав с ломами, топорами и пилами два деревянных моста через реки Песочня и Гобза. Бревна и доски от мостов перетаскивали лошадьми в глубину леса. Разделавшись с мостами, мы перекопали дороги Духовщина–

³¹ А. Лукашенко. Там, за Царевичем. М., 1974. С.73-75.

Демидов, Духовщина–Береснево, Духовщина–Ерошки. Позже мы срезали около 1 км проводной связи между деревнями Елисевичи и Монино и хотели продолжать диверсии. Но Председатель сельсовета сказал нам притихнуть и разойтись по домам для того, чтоб не привлечь внимания немцев, которые могут уничтожить всю деревню.

В начале марта 1942 года в нашей деревне Плотки был создан партизанский отряд во главе с нашим «окруженцем» Иваном Петровичем Сухопаровым, а в соседней деревне Аболонье (в 4 км от Плоток) создал партизанский отряд и Иван Иванович Овчаренко. В середине марта Овчаренко вызвал меня в штаб отряда, который находился тогда у нас в деревне, в доме Степана Наумова. Здесь я увидел Никифора Захаровича Коляду (Батю). Он со своим штабом был в нашей деревне несколько дней. Коляда спросил меня о настроении деревенской молодежи, и я рассказал ему о планах создания нами комсомольского партизанского отряда. Батя пообещал придумать посильную для нас работу.

В апреле 1942 года объединились в бригаду три отряда: И.П. Сухопарова, И.И. Овчаренко и Е.С. Севостьянова. Ее командиром стал Овчаренко, комиссаром – Севостьянов. Наш 3-й партизанский отряд занимал деревни Рибешево, Острово, Пашково, Петраково и контролировал деревни за болотом: Матвеево, Колодези, Кочейкино, Николо-Берновичи. В Кошелеве размещался штаб 2-й бригады, которая по указанию штаба соединения «Бати», действовала в Рибишевском сельсовете. В начале лета 1942 г. мне с Шурой Шестерневым поручили разведать, есть ли немцы за болотом в деревнях Колодези и Кочейкино. Вошли в первую деревню и не нашли в ней ни одного жителя; во всех хатах ни души. Никого не обнаружили и в овраге, над которым обосновались эти две деревни. Поднялись по склону оврага, вошли в Кочейкино и постучали в окно крайней хаты. Женский голос за окном: «Кто вы?». Отвечаем: «Мы из Рибшева» и спрашиваем, есть ли в деревне немцы. Она сказала, что немцы уехали днем в Николо-Берновичи, но утром должны вернуться.

Мы возвратились в Колодези, я остался наблюдать за дорогой, а Шурик ушел сообщить о целесообразности занять обе деревни до прихода немцев. До рассвета он возвратился с отрядом. Когда начало всходить солнце мы увидели немцев, которые гуськом продвигались к Кочейкино. Они подошли к нашей засаде мы открыли огонь из всего оружия, которое имели и, казалось, что те, кого не перестреляли, деморализованы. Когда перед нами остался стоять единственный фашист с поднятыми вверх руками, наш Леша-маленький пошел к нему. Но у ног этого «сдающегося» немца лежал другой, который прошил автоматной очередью Лешину грудь. Леша еще падал, когда Костя (друг Лешы) длинной автоматной очередью умертвил стрелявшего немца и сразу же зашел к немцу с поднятыми руками, снял с него каску, несколькими ударами по голове убил последнего «пленного». Лешу мы (его друзья однолетки) перевязать не смогли, да и не было у нас бинтов. Уплотнив на его груди, его же окровавленное одеяние, мы потащили друга к болоту. Я нес его ноги, а более высокорослые ребята несли туловище. Нести раненого нам мешало оружие, задыхаясь, обходя пни и коряги, мы тащили полуживого Лешу через болото к опушке леса, где была телега. На ней его увезли в Корево, там в трех хатах обосновался госпиталь «Бати». Нелегко было и оставшимся на месте боя партизанам спешно обыскивать всех убитых немцев, изымать у трупов документы, собирать трофеи и через тоже же болото перетаскивать их в Рибшево.

Второй раз я встретил Батю в августе 1942 г. в деревне Кошелево (в 15 км от Плоток); он приехал в штаб нашей 2-ой бригады, когда ее комбригом стал И.И.Овчаренко. Комбриг по указанию Бати создал мобильную группу для больших рейдов и организации стабильной связи между бригадами и подразделениями соединения. С этой целью он выделил из пяти своих отрядов 20 «недорослей» в возрасте

около 15 лет. Тогда в этой группе стали связными-разведчиками Хохлов Витя, Ковалев Вася, Шестернев Саша, Барина Оля, Иванова Ира, Кузнецов Сережа, Ключев Паша, Белоусов Шура, Морозов Вася, Шишков Леша и я — Гриша Андреев. На своем собрании мы избрали из своей среды наиболее достойного командира — Лешу Шишкова (который, к сожалению, вскоре погиб). По заданию командования я впервые перешел линию фронта в апреле 1942 г. с группой из 4-х партизан. Нас направили тогда в штаб 43-ей армии с донесениями и за боеприпасами. На армейском складе нам выдали ротный миномет, мины к нему и гранаты «лимонки». Все это нужно было перетащить через линию фронта на собственных плечах и спине. Я тащил (как рюкзак) на спине ящик весом более 20 кг. Шли мы две ночи, спотыкаясь о лесные пни и коряги, а один день отдыхали в густом лесу.

Второй раз я переходил линию фронта летом 1942 г. в группе с донесениями от штаба «Бати» (который находился в дер. Локшево рядом с госпиталем) для штаба 43-ей армии, располагавшегося около г.Клина. В те дни, 2 августа наша бригада разгромила два волостных правления в Касплянском районе, 4 августа вела четырехчасовой бой в районе Добрино, 23 августа подорвала два танка и мост на дороге Велиж – Демидов. Мне запомнился «на всю оставшуюся жизнь» бой в том августе 1942 г., когда нас направили для связи с партизанским отрядом Василькова. Мы подошли утром к деревне Оленино, где базировался отряд, а с другой стороны в эту деревню входило немецкое подразделение с танком. Немецкий танк мы увидели раньше, чем самого Василькова. Сил и вооружения у нашего отряда было мало, но благодаря скрытности и смелости, удалось подобраться к танку и обезвредить его гранатами, а затем перестрелять выскочивших из него танкистов и уйти из села со славою «целыми и невредимыми». Вскоре очередной переход через линию фронта я завершил в госпитале 43-ей армии.